

Львовский филиал Севастопольского приборостроительного ин-та); «Творчество Хела Портера» (И. В. Головня, Московский гос. пед. ин-т иностранных языков им. М. Торгеза): «Австралийский социальный роман 30-х годов (творчество К. Теннант)» (Ю. В. Зернецкая, Ин-т литературы АН СССР, Киев), «История библиотек в Австралии и их роль в культурной жизни страны» (Е. В. Говор, Политехнический ин-т, Минск) и др.

На заключительном пленарном заседании с докладом «Тонга-77 (впечатления участия экспедиции 1977 г.)» выступил Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии АН СССР, Москва). Охарактеризовав современную обстановку в Тонга, он высказал мнение, что это полинезийское государство находится накануне крупных социальных перемен.

Подводя итоги работы конференции, К. В. Малаховский отметил, что она прошла успешно, и предложил следующую конференцию посвящать проблемам развития национальной государственности в Океании, развития экономики и культуры, борьбы с неокOLONIALИЗМОМ, деятельности региональных организаций.

Н. А. Бутинов

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ П. Г. БОГАТЫРЕВА

30 ноября — 2 декабря 1977 г. в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК) состоялись организованные секцией фольклора традиционные (VI) Чтения памяти П. Г. Богатырева. Включенные в программу конференции доклады были посвящены творческому процессу в фольклоре. Касаясь разных сторон этой проблемы, докладчики наметили принципы, цели и возможности ее изучения как в общетеоретическом плане, так и в связи с конкретными задачами — исследованием отдельных сюжетов, жанров, локальных или этнических традиций.

Началась конференция сообщением Э. В. Померанцевой (Москва) о книге Е. Уорнер¹, представляющей заметный вклад в изучение русского народного театра и развивающей отдельные идеи П. Г. Богатырева, памяти которого она посвящена².

С докладом общетеоретического характера — «О творческой природе фольклора» — выступил И. И. Земцовский (Ленинград). Исходя из определенного понимания законов «творческого порождения» текстов в фольклоре, докладчик предложил различать два уровня творческого процесса: исполнительское творчество, с одной стороны, и создание типов, моделей, канонов — с другой. И. И. Земцовским было введено понятие фольклорной модели, т. е. модели «порождения» фольклорной действительности, и дано обоснование трехчленной формулы «порождения», в которой нашла отражение и деятельность исполнителя: «порождающая модель — исполнитель (исполнение) — произведение (исполняемое)».

Конкретный путь изучения законов создания фольклорных текстов был предложен В. А. Лапиным (Ленинград) в докладе «О народно-песенном музыкальном мышлении». Автор обратился к исследованию механизма памяти, лежащего в основе традиционного творчества и максимально проявляющегося в момент исполнения-припоминания. В. А. Лапин показал, что тщательная фиксация исполнения-припоминания способствует решению некоторых вопросов фольклорного мышления и позволяет говорить о сложной работе механизма фольклорной памяти. Перспективность этих предпосылок и этой методики обнаружилась в результатах предложенного В. А. Лапиным анализа, выявившего отдельные закономерности исполнительской памяти в связи с разными уровнями народной песни.

К этим докладам примыкало и сообщение Е. С. Новик (Москва), попытавшейся проследить основные линии развития идей П. Г. Богатырева о соотношении традиции и импровизации, наметившиеся в рамках структурно-типологических исследований. Е. С. Новик отметила, что подход к фольклорным явлениям как ориентированным на

¹ E. A. Warner. The Russian folk theatre Mouton. The Hague — Paris, 1977.

² Рецензию Э. В. Померанцевой на эту книгу см. «Сов. этнография», 1979, № 1.

норму, аналогичную языковой, был значительным открытием в фольклористике 20-х годов: подчеркнув вариативную природу фольклора, он способствовал изучению системных отношений, определяющих законы варьирования. Анализ инвариантных структур, продуктивность которого была продемонстрирована В. Я. Проппом в «Морфологии сказки», и их диахронная интерпретация привели в итоге к выводу о дополнителности синхронного и диахронного методов применительно к фольклору. Е. С. Новик проиллюстрировала конкретными примерами возможности структурного описания некоторых обрядовых и устно-поэтических текстов в плане синхронии.

Ряд докладов содержал постановку проблемы творческого процесса в фольклоре на материале отдельных жанров — с точки зрения специфики жанра либо тех возможностей, которые открываются для изучения жанра в данном аспекте. Так, доклад Н. Г. Черняевой (Петрозаводск) «Былинный сказитель и законы изображения эпического мира» был посвящен вопросу об эпической норме у севернорусских сказителей. Н. Г. Черняева рассмотрела случаи отклонения от нормы на примере основных семантических категорий эпического мира и показала, что традиционность последнего выясняется через отношение данного текста к эпической норме в целом, а также к системе других жанров, обрядов и верований. Как было выявлено, логика сохранения и нарушения эпического канона основана на законах аналогии, а стабилизация текстов в рамках канона и варьирование вопреки ему осуществляются на основе семантических оппозиций. Характер и диапазон нарушений были связаны Н. Г. Черняевой с типом сказителей и типом исполнения.

Доклад С. Н. Азбелева (Ленинград), посвященный этапам творчества в героическом эпосе, в значительной мере опирался на наследие А. Н. Веселовского. Докладчик стремился доказать, что выделенные А. Н. Веселовским стадии развития эпоса — от лиро-эпического отклика на исторические события до эпопеи — соответствуют основным типам, к которым сводятся жанровое многообразие героического эпоса у разных народов и которые отражают основные этапы коллективного творческого процесса в его общей закономерности.

В докладе «Творчество сказочников как процесс становления жанра бытовой сказки» Ю. И. Юдиным (Курск) был поднят дискуссионный вопрос о происхождении бытовой сказки. По мнению докладчика, интересными в этом отношении оказываются не только сходство ряда сказочных и мифологических сюжетов, но и различия между ними, свидетельствующие об отражении сказкой новой исторической действительности в рамках мифологического сюжета. По мысли Ю. И. Юдина, сказочнику-творцу свойственно стремление скрыть несоответствие между старым и новым, между мифологическим наследием и современной ему действительностью; стремление это носит процессуальный характер, становление же бытовой сказки как жанра представляет, таким образом, не однократное событие, а довольно длительный процесс.

Обратившись к творчеству комического актера русского народного театра, Н. И. Савушкина (Москва) наметила три аспекта его изучения. В докладе, опирающемся на собственно фольклорный материал и на письменные свидетельства литературного, мемуарного, эпистолярного характера, амплуа комического актера было освещено как наиболее популярное в народной среде, а приемы и средства комического — с точки зрения их непреходящего эстетического значения. Сочетания традиции и импровизации, обнаруженные Н. И. Савушкиной в области как речевых (текстовых), так и театральных форм творчества актера, были рассмотрены в докладе на примерах комического самовыражения, игры с публикой и с партнерами.

В докладе М. П. Чередниковой (Ульяновск) «Предание об Иване Грозном и Марфе Собакиной в Ульяновской области» были изложены результаты исследования творческой судьбы этого сюжета в фольклоре. Сопоставив тексты предания с его книжным источником («Хроника села Ивановского» Е. Ф. Лесли), М. П. Чередникова показала продуктивность фольклорной традиции, перевоссоздавшей сюжет книжного происхождения по своим законам. Процесс фольклоризации рассказа связан, как было отмечено в докладе, с сюжетным изменением оригинала: предание разрабатывает лирическую ситуацию и создает героизированную версию повествования о судьбе жениха Марфы — Алеши Соковнина.

А. И. Лазарев (Челябинск) в своем докладе рассматривал вечерки и посиделки, опираясь в анализе конкретного материала на представление о фольклоре как искусстве,

в котором художественные и бытовые функции переплетены. На отдельных примерах докладчик попытался воссоздать картину естественного бытования народной поэзии в условиях вечорки и посиделок и пришел к выводу о невозможности правильного понимания ряда жанров вне их бытового контекста. А. И. Лазарев предложил опыт классификации посиделок и вечорки, связанный с установлением эстетических закономерностей, специфичных для каждого типа сборищ молодежи.

Комплексный подход к проблеме творческого процесса в фольклоре был продемонстрирован также в сообщениях [В. В. Сенкевич-Гудковой] (Ленинград) и Ю. И. Шейкина (Ленинград), посвященных соответственно творчеству угорских народов, а также фольклору удэ. В первом из них был поставлен вопрос о соотношении традиции и импровизации в фольклоре саамов и ненцев. В. В. Сенкевич-Гудкова рассмотрела две модели импровизации, характерные для творчества этих народов и возникающие в русле фольклорной традиции, понимаемой как совокупность стилистических норм и правил. В сообщении Ю. И. Шейкина было проанализировано соотношение различных исполнительских традиций в жанре *гонгойни*. Рассматривая гонгойни как часть шаманского обряда удэ, который обычно предшествует шаманскому действию (*моуни*) и представляет состязание мастеров игры на бубне, докладчик установил традиционную для гонгойни ритмоформулу, аналогичную «медвежьим ритмам» нивхов. Это позволило ему высказать предположение об аккумуляции жанром гонгойни утраченной удэгейцами традиции музыкального оформления медвежьего праздника, вероятность существования которого значительно возрастает на фоне ряда сказочных и песенных сюжетов, а также мифологических рассказов о медведе-прародителе.

Доклад Е. С. Громовой (Балашов) «Традиция фольклора в песнях партизан Приморья и Приамурья» был посвящен характеристике основных закономерностей усвоения фольклорной традиции песенным творчеством партизанских поэтов.

В дискуссии по докладам выступили Э. В. Померанцева, Г. Г. Шاپовалова, В. В. Сенкевич-Гудкова, Е. С. Новик, Л. Е. Генин, В. Е. Гусев, И. Г. Левин, Ю. И. Юдин, Л. С. Шептаев, отметившие новаторский характер ряда прочитанных на конференции докладов. В центре обсуждения оказались проблемы соотношения фольклористики и лингвистики, дифференциации синхронии и диахронии применительно к фольклорным явлениям. В. Е. Гусев и Э. В. Померанцева, суммируя результаты конференции, обратили особое внимание на продуктивность состоявшегося обмена мнениями и подчеркнули растущее значение и усиливающийся научный резонанс Богатыревских чтений как в отечественной, так и в зарубежной фольклористике.

VII Богатыревские чтения проходили с 29 ноября по 1 декабря 1978 г. и были посвящены проблемам славянского фольклора. Во вступительном слове В. Е. Гусев (Ленинград) охарактеризовал отдельные работы П. Г. Богатырева по славянскому фольклору и дал общую оценку славянистической деятельности ученого, продолжавшейся около 50 лет. Он подчеркнул, что П. Г. Богатырев принадлежал к числу тех деятелей науки, которые способствовали возрождению сравнительного изучения народного искусства славянских народов и тем самым положили начало новому этапу в развитии славянистической фольклористики.

В программе первого дня чтений были доклады, посвященные проблеме изучения эпической традиции и календарной обрядности славян.

Так, в докладе «Эпические мотивы и эпический код» Б. Н. Путилов (Ленинград) исходил из представления о системе отношений «героический эпос — действительность», реализуемой в сюжетике, в изображении людей, в принципах организации текста, в специфике описаний и пр. Докладчик предложил термин «эпический код» для системы значений, традиционных правил и ограничений, частично возникающих при переосмыслении внеэпических норм, частично порожденных эпосом. Функционирование кода Б. Н. Путилов рассматривает в тесной связи с эпической средой — со свойственным ей уровнем социальных отношений, исторического и художественного сознания.

В докладе В. Б. Вилинбахова (Ленинград) «Восточнославянский эпос — исторический источник» проблема обсуждалась в ее методологическом аспекте. Отталкиваясь от понимания фантазии как явления сознания, всегда имеющего в основе реальность, автор считает мифологическое сознание синтезом реального и ирреального, естественного и сверхчувственного. Наибольшая ценность эпоса определяется, по мнению докладчика, возможностью реконструировать на его основе психическую структуру предше-

ствующих поколений и социальную структуру общественного сознания далекого прошлого. Трудности такой реконструкции автор связывает с многослойностью эпоса и спецификой эпического мировосприятия (символизм обобщения), которые требуют постоянного учета и комплексного подхода в рамках всего национального фольклора.

Доклад В. К. Соколовой (Москва) был посвящен проблеме общеславянских и специфических элементов в восточнославянских масленичных обрядах (проводы масленицы, катание с гор, обычаи с молодоженами, ритуальная трапеза). Как было показано, основные элементы масленицы представляют собой общеславянскую традицию, по-разному развивавшуюся в отдельных славянских культурах. При этом специфические для русской масленицы обычаи рассматривались как сравнительно позднее явление, связанное с чисто развлекательными целями.

Э. В. Померанцева (Москва) в докладе «Роль слова в обряде опахивания» дала общую характеристику обряда, в сходных формах известного всем славянам. Были приведены примеры, свидетельствующие об императивном характере текстов, сопровождающих опахивание. Магическое значение последних обнаружено Э. В. Померанцевой на разных уровнях, в частности, на уровне ритма мужских рифм, свойственных этим заклинаниям, и т. д. Система опахивания целиком подчинена, по ее мнению, магической доминанте, а магия предметов, действий, шума, жеста сочетается в данном обряде с магией слова, несущего не только эстетическую функцию, но наиболее полно и сильно выражающего основную функцию всей системы.

Л. Н. Виноградова (Москва) выступила с сообщением на тему «Магическая функция обрядового диалога в славянском календарном фольклоре». Она подытожила результаты сравнительных исследований в рамках календарной обрядности восточных и западных славян. Осуществленный ею опыт сопоставления устойчивых формул обрядовых диалогов (главным образом на материале святочных обрядов) с некоторыми песенными формулами календарного фольклора славян делает возможным выявление закладных элементов в песенных текстах и создает необходимый для их корректного прочтения контекст.

К названному тематическому кругу примыкает и прочитанный В. Е. Гусевым доклад Н. И. Толстого (Москва) «Из „грамматики“ славянских обрядов». Вводя понятия обрядового синтаксиса и обрядовой морфологии, Н. И. Толстой разграничивает синтагматику и парадигматику обрядового «языка», составляющие план выражения и план содержания обряда (последний план характеризуется нечеткой выраженностью в отдельных его звеньях). Специфику обрядового «языка» автор связывает с его принципиальной разнокодовостью, данной в одновременности и обусловленной тенденцией к максимальной синонимичности. Морфология обряда и его своеобразный синтаксис, многоярусная парадигматика и многоплановая синтагматика символа рассматриваются в докладе на примере обрядового битья веткой (розгой).

Доклады второго дня Чтений были объединены проблемами изучения народной песни и народной инструментальной музыки. Доклад П. Г. Громова (Балашов) «Трансформация одного песенного сюжета (по восточнославянским материалам)» был посвящен песенной сатире «Стукнуло, грянуло в лесе», впервые зафиксированной в XVIII в. и в дальнейшем подвергшейся существенным изменениям. Диахронное изучение восточнославянских версий песни позволило установить как мнемонические, так и творческие изменения текста. Идейно-эстетическую эволюцию данного сюжета автор связал с обращением песни к злободневным историческим событиям, способствующим актуализации ее и нарастанию в ней сатирических мотивов, что вызвало жанровую трансформацию в диапазоне от шуточно-плясовой песни до политической сатиры.

Доклад Ъ. П. Кирдана (Москва) «„Формула невозможного“ в фольклоре восточных и западных славян» был основан на использовании статистической методики; песенные традиции разных славянских народов были сопоставлены докладчиком с целью каталогизации общеславянских «формул невозможного», установления их разновидностей и определения функций, свойственных им в отдельных славянских культурах.

«Формуле невозможного» — ее реализации в жанре небылиц (на восточнославянском материале) — было посвящено и сообщение Л. М. Ивлевой (Ленинград). Определив небылицу как песенный жанр, целиком сводимый к «формуле невозможного», Л. М. Ивлева попыталась охарактеризовать жанровую специфику последней. Сопоставление разнотипных систем, использующих одни и те же «формулы невозможного», позволило

автору поставить вопрос о полифункциональности этой формулы и наметить некоторые проблемы, касающиеся ее исторической семантики.

В центре доклада И. И. Земцовского (Ленинград) «Словацкая народная песня в межславянских фольклорных связях» оказалась проблема, имеющая общеметодологический интерес: ставя вопрос о своеобразном месте словацкой песни в системе славянского музыкального фольклора, автор предложил методiku системно-динамических сравнений путем выстраивания вероятностной шкалы некоторых признаков, существенных для славянской народной музыки вообще. Эта методика позволила докладчику представить словацкую народную песню как определенную стадию в процессе формирования восточнославянского фольклора под мощным воздействием восточнославянских племен (VI в. н. э.) на автохтонные дунайско-балканские племена.

И. В. Мадиевский (Ленинград) заметил типологию традиционных инструментальных ансамблей у славян, специально посвятив свое выступление наиболее характерному, на его взгляд, типу ансамбля танцевальной музыки — со струнной основой инструментария и дифференциацией исполнителей и их партий по трем группам, каждая из которых реализуется одним либо несколькими музыкантами. Ансамбль этого типа наиболее отчетливо определен народной терминологией украинцев и белорусов как «троїста музика».

Проблема национальной специфики отдельных видов фольклора и фольклорного репертуара в целом оказалась в центре внимания нескольких докладов третьего дня Чтений. Так, Н. И. Савушкина (Москва) в сообщении «Персонажи восточнославянской народной драмы в соотношении с национальными фольклорными и литературными традициями» поставила вопрос о выявлении общих и особенных средств и приемов поэтики, устойчивых формул-клише, мотивов, сюжетов и персонажей путем сравнительного изучения народной драмы восточных славян. Характерные для всех восточнославянских народов типы драматических персонажей (герой-правитель, вождь, воин, доктор, герой из народа, представитель иной национальности) создаются, как правило, одинаковыми средствами при существенных различиях в конкретных образных элементах драмы, связанных с национальными фольклорными и литературными традициями и придающих названным персонажам известное национальное своеобразие и неповторимость.

Р. А. Богомольная (Кишинев) на большом конкретном материале поставила вопрос о бытовании фольклора в селах со смешанным населением. Обобщая результаты многочисленных экспедиций в русские села Молдавии, она попыталась выявить украинский фольклорный репертуар, показать отдельные закономерности в современном бытовании ряда песенных и прозаических жанров.

«Опыт сравнительного анализа представлений о вихре в славянской и тюркской народной традиции» был предложен Э. Азим-заде (Москва). В основе доклада — идея построения многопризнаковой парадигмы представлений, характеризующей традицию и служащей базой для сравнения духовной культуры различных этносов. Автор попытался выявить общие и специфические черты славянских и тюркских представлений о вихре. Одновременно подчеркивалась необходимость считаться с локальными различиями внутри каждой традиции.

Та же методика была положена в основу доклада А. В. Гурь (Москва) «Огонь и вода в славянской народной символике сновидений», в котором была показана связь символики рассматриваемых сновидений с метеорологическими представлениями, обрядами вызывания дождя, с некоторыми приемами народной медицины. Огонь и вода в толкованиях снов могут выступать в трех сферах своего проявления (относительно неба, земли и человека), а также в виде своих символических заместителей; при этом толкования снов позволяют выявить следующие противопоставления: огонь — вода, огонь — холод, огонь — тьма.

И наконец, в докладах Ю. И. Смирнова (Москва) и В. Е. Гусева были отражены основные тенденции в развитии славянской фольклористики, ее современное состояние и ближайшие задачи. Говоря о том, что сравнительное изучение фольклора должно быть целенаправленным, Ю. И. Смирнов напомнил о необходимости соизмерять получаемые фольклористами результаты с этнокультурной хронологией. Возможность изучения любой славянской традиции на уровне общеславянского фонда означает

познание фольклора в его исторической ретроспективе. В связи с этим докладчик представил результаты сравнения крупных сюжетных серий эпических песен внутри славянского мира с репертуаром некоторых соседей — с целью получения представлений об общеславянском эпическом фонде начала нашей эры.

В докладе «Фольклористика на VIII Международном съезде славистов» В. Е. Гусев охарактеризовал основные проблемы, обсуждавшиеся на фольклористической секции (поэтика и стиль фольклора, процессы в фольклоре XX в. и современный фольклоризм, взаимодействие фольклора и литературы), и на основе анализа приуроченных к съезду публикаций и сделанных на съезде сообщений констатировал возрастание интереса исследователей к процессуальным явлениям в фольклоре как характерную черту современной фольклористики. Докладчик проинформировал участников Чтений о решениях фольклорной комиссии при Международном комитете славистов.

Выступавшие в прениях по докладам Б. П. Кирдан, К. В. Чистов, И. Г. Левин, Г. А. Левинтон, И. Г. Карпунин отметили значение Богатыревских чтений как определенной научной традиции. В центре дискуссии оказались вопросы, связанные с проблемой современных путей развития славистической фольклористики: организация учета материала, его собиране, систематизация и издание, границы и принципы сравнительного изучения, статистические методы и методика выяснения эволюционной хронологии.

Выступавшие подчеркнули связь Богатыревских чтений с общим движением отечественной фольклористики, которое они отражают и которому в известной мере содействуют.

Л. М. Ивлева

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Согласно подписанному летом 1977 г. научному соглашению между советскими и американскими учеными с 1978 г. была начата параллельная работа над темой «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей». Эта программа по сравнению с предпринимавшимися до сих пор усилиями в изучении проблем долгожительства со стороны геронтологов и некоторых других специалистов имеет две важных особенности. Первая из них состоит в комплексности исследования, требующем, в частности, широкого привлечения этнографических материалов. Вторая — в популяционном подходе к этим проблемам, при котором изучаются не отдельные долгожители (люди 90 лет и старше), а значительные группы населения, в которых исторически возник и закрепился феномен долгожительства. Последнее предполагает сравнение изучаемой «долгожительской» популяции с контрольной общностью, где такой феномен не наблюдается. Для работы над проектом Институт этнографии АН

СССР, взявший на себя функции головной организации по этим исследованиям в СССР, привлек научные силы Института антропологии МГУ, Института геронтологии АМН СССР, абхазского Института языка, литературы и истории и Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. В качестве первого объекта изучения в СССР было взято сельское абхазское население на территории Очамчирского района Абхазской АССР, главным образом — жители с. Члоу, где на 2500 жителей числилось около 40 долгожителей.

В 1978 г., отведенном на подготовительные работы, были выработаны общие с американской стороной принципы исследования, основные разделы темы и, в соответствии с предложенными гипотезами долгожительства (генетической, экологической, или географической и этнографической) набор основных показателей, которыми должен характеризоваться каждый человек, подлежащий обследованию, и популяции в целом. Летом 1978 г. были проведены первые, носившие в значительной